

Дж. И. ЭДЕЛЬМАН

ФРАГМЕНТ ИСТОРИИ ОСЕТИНСКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Известно, что основные осетинские числительные, имеющие закономерные соответствия не только в других иранских языках, но и в других индоевропейских (в том числе и в весьма удаленных в генетическом отношении, например, в латинском, греческом, германских), продолжают в своем материальном облике соответствующие числительные праиранского и далее — общеарийского и позднего индоевропейского состояния (о раннем индоевропейском будет сказано ниже). Этимологии конкретных числительных см. [Миллер 1882, 159–160; 1962, 84; Абаев ОЯФ, 21–22; Абаев ИЭСОЯ в соответствующих статьях].

При этом, как отмечают исследователи, сама система числительных свыше "двадцати" отличается от праиранской и позднеиндоевропейской систем, которые были последовательно децимальными (десятичными), тем, что в осетинской системе налицо элементы вигезимального (двадцатичного) счета. Эта особенность осетинской системы убедительно квалифицируется В.И. Абаевым как результат воздействия кавказских языков [Абаев ОЯФ, 22], то есть кавказского субстрата [Абаев 1962-б, 7–8].

Другим отклонением от древней децимальной системы является этимология осетинского числительного *farast* "девять". Анализируя это числительное, Вс.Ф.Миллер и В.И.Абаев справедливо отмечают, что оно происходит из сложения **parā + ast* или **para + ast* [Миллер 1882, 159; 1962, 84], либо — точнее — из **pāra-aśta-* [Абаев ИЭСОЯ I, 419], с первоначальным значением "за восемью", "сверх восьми". Такое сложение, как отмечает В.И.Абаев, указывает на то, что в староосетинском число "восемь" имело особое значение, считалось круглым числом, как и "десять". В качестве типологической параллели приводится происхождение индоевропейского названия "девяти" от слова "новый" [Абаев ОЯФ, 21, 158; ИЭСОЯ I, 419–420].

Исследования последних десятилетий, посвященные истории иранских языков и тех неиранских, с которыми они контактируют, а также проблемам счета и систем числительных в разных языках мира, позволяют несколько дополнить приведенные выше положения.

I. О вигезимальной системе. Представляет интерес тот факт, что в самих кавказских языках (один или группа которых стимулировала развитие этой системы в осетинском) вигезимальная система не единообразна: имеются различные варианты, свойственные разным группам кавказских языков и даже отдельным языкам.

В большинстве кавказских языков вигезимальный счет развивался спонтанно, как и во многих других языках мира, не связанных друг с другом генетически и/или географически: в ряде языков Севера, в баскском, эскимосском, в некоторых языках Африки, Америки, островов Тихого океана и др. Это общая типологическая черта, имеющая вполне определенные причины. Как удалось установить, спонтанное возникновение в том или ином языке вигезимального или децимального счета (и, следовательно, соответствующей системы числительных после "двадцати") связано определенным образом с существующими в тот период в данном языке названиями пальцев, поскольку именно счет по пальцам лежит в основе этих обеих систем, как и некоторых других, см. ниже. Существует следующая закономерность:

Если пальцы рук и ног имеют этимологически единое общее название и, следовательно, семантема "палец", принятая в качестве эталонной единицы счета, может относиться к любому из них, то "круглое" число – основание второго порядка, реальной базой которого является сам человек, может объединять максимум, то есть двадцать таких счетных единиц. При этом в части языков учитывается все-таки только десять счетных единиц – по числу пальцев рук, с помощью которых ведется наглядный счет по пальцам. Тем самым потенциал создания вигезимального счета используется не всегда, даже при наличии необходимых предпосылок.

Если же пальцы рук и ног имеют обозначения, не связанные друг с другом этимологически, то семантема "палец", способная стать эталонной единицей счета, соотносится только с пальцами рук, с помощью которых ведется наглядный счет. В таком случае может возникнуть десятичная система, но не двадцатичная, подробнее см. [Эдельман 1975].

Характерно при этом, что если децимальная система относительно единообразна в разных языках, то вигезимальная может изначально допускать разные варианты: в одних языках устанавливается последовательно вигезимальная система, где в качестве "круглого" числа выступает только "двадцать" (а "десять" в больших числах может быть выражено

как "половина [от] двадцати"), в других – смешанная вигезимально-декимальная система, где в качестве "круглого" числа выступают и "двадцать" (все пальцы человека), и "десять" (пальцы рук). Например, число "пятьдесят" в первой системе предстает как "две с половиной двадцатки", а во второй как "две двадцатки и десять" (или "десять и две двадцатки"). В последовательно вигезимальной системе обычно (а в вигезимально-декимальной — реже) следующим после "двадцати" "круглым" числом является не "сто", свойственное декимальному счету (как "десять десяток"), а "четыреста", то есть "двадцать двадцаток". Ср., например, в барабийском языке *qo-č-ıqaiz-ıqa-ši-ça-ıqa qo-ił* "1453", построенное по модели "3 (20×20) + (12×20) + 13" [Шанидзе 1957, 304].

При наличии в разных кавказских языках разных вариантов вигезимального счета, в некоторых из языков наблюдается тенденция к постепенной "декимализации" – к переходу к вигезимально-декимальным и декимальным системам с инновационным обозначением "ста" (см., например, аварское *nus-go* "сто" от *nus* "нож, ножевая зарубка") и "пятидесяти" (подробнее см. [Гудава 1980, 198–199; Клинов, Эдельман 1987]). В связи с этим трудно выявить в деталях именно ту систему числительных в конкретном кавказском языке (или языках), которая послужила субстратным прототипом для осетинских числительных: это могла быть смешанная вигезимально-декимальная система, усвоенная осетинским без особых изменений, но могла быть и последовательная вигезимальная система. В последнем случае частичная "декимализация" с включением *dæs* "десять" в счет большими числами (например, *dæs ætæc cyrraryssæ* "девяносто") могла произойти и на собственно осетинской почве.

Существенно при этом, что элементы древней декимальной системы продолжали быть устойчивыми в счете предков осетин. Об этом свидетельствует ряд явлений. Во-первых, сам факт сохранения в дигорском диалекте "пастушеского" десятичного счета указывает на длительное существование счета десятками в обиходной практике. Во-вторых, в "пастушеском" счете даже инновационные числительные – названия десятков – продолжают образовываться по декимальному принципу: см. *fænzaɪ* "пятьдесят", являющееся новообразованием от *fonʒ* "пять", построенным по аналогии с (*æ)xsaj* "шестьдесят", *ævdaj* "семьдесят", *æstaj* "восемьдесят", см. [Абаев ОЯФ, 283; ИЭСОЯ I, 449]; следует отметить, что и числительное (*æ)xsaj* "шестьдесят" скорее всего является результатом новообразования или фонетической трансформации по аналогии с *ævdaj* "семьдесят", поскольку непосредственное развитие праиранского *xšuasti- "шестьдесят" не предусматривает по-

явления анлаутного *æ*- и отражения исхода основы в виде *-aj* (подробнее о праиранских прототипах конкретных числительных и об их рефлексах в иранских языках см. [Эдельман 1990, 45–52, 181–204; Emmerick 1992]). В-третьих, при выражении больших чисел (свыше "ста") в осетинском языке наблюдается определенное взаимное влияние децимальной и вигезимальной систем, поскольку число "двести" чаще выражается не *dæsyssæzy / dæsinsæzi* "десять двадцаток", а *duwwæfonzyssæzy / duwwæfonzinsæzi* "два [раза по] пять двадцаток" [Абаев 1962-а, 518], – то есть конструкцией, в которой имплицитно присутствует понятие "сто" (хотя и выраженное двадцатками, при наличии и исконного осет. *sædæ / sædi*), то есть "круглое" число в децимальном счете, следующее за круглым "десять". Таким образом, унаследованная децимальная система осетинского языка в течение длительного времени воздействовала на усвоенную из кавказских языков вигезимальную.

Заслуживает внимания и тот факт, что в построении числительных третьего и последующих десятков в осетинском вигезимальном счете прослеживается древний порядок компонентов сложного числительного, при котором названия единиц предшествуют названиям десятков (хотя сами названия десятков и соединительный элемент уже другие), в то время как в дигорском "пастушеском" децимальном счете, даже при сохранении исконных названий десятков, порядок компонентов сложного числительного противоположен древнему: названия единиц здесь следуют за названиями десятков (например, *cupperor jew* "сорок один"), аналогично русскому порядку компонентов. Это означает, что влияние децимальной системы на вигезимальную в осетинском языке либо было достаточно ранним, когда сохранялся еще древний порядок компонентов сложного числительного, либо осуществлялось в отношении не словообразовательной модели числительного, а самих принципов счета.

Вигезимально-децимальный, реже – последовательно вигезимальный — принцип построения числительных распространен во многих иранских языках. Он отмечен, кроме осетинского, в ряде диалектов языка пашто (при том, что в литературном пашто числительные продолжают древние децимальные), в йидга, сангличском, ваханском, язгулямском, спорадически в ягнобском, в белуджском, в говорах курдского, татского, таджикского, парачи, хазара, в вымершем согдийском языке. Сходные системы наблюдаются также в других арийских языках: в нуристанских, дардских и отдельных индоарийских (подробнее см. [Эдельман 1993; Edelman 1999]). Везде они являются субстратными. Из иранских языков только в отдельных диалектах пашто отмечается последовательно вигезимальное построение числительных, ср. обозначения в разных диалектах

числа "семьдесят": *dre šəle aw las* "три двадцатки и десять", но и *dre nim šəle* "три [с] половиной двадцатки" [Pstrusinska 1980, 186].

II. О числительном farast "девять". В иранской семье осетинское инновационное построение числительного "девять" также не одиноко. Названия "девяти", не восходящие к праиранскому **naça-* (которое продолжает индоевропейское **e-peçep-* "девять", связанное этимологически с **neços* "новый" [Pokorný 1959, 318, 769]), встречается и в других языках: таковы отмечаемые в некоторых диалектах пашто *tērai*, в диалекте вазири *tār pa wōta* (букв. "перешедшее через восемь"), включающие рефлексы корня **tar-* "проходить: переходить" [Morgenstierne 1927, 51-52], а также хорезмийское *šād*, возводимое В.Хеннингом к **frād-* "увеличивать" [Henning 1958, 118], но допускающее фонетически и семантически также этимологию **fra-ašta-* "за восемью" (при развитии **fra-ašta-* > **šăšta-* > **šāta-* > *šād*). В этих случаях, как и в осетинском, в выражении числа "девять" прослеживается ориентация на более раннее "круглое" число "восемь".

При этом во всех указанных языках и диалектах, включая осетинский, данная инновация в обозначении "девяти" возникла относительно поздно и не успела охватить сложные числительные, включающие понятие "девять", то есть обозначения "девятнадцати", "девяноста" (а в хорезмийском языке – и обозначение "девятисот"), которые продолжают соответствующие древние числительные с основой **naça-*. Это означает, что данные инновационные словообразовательные модели "девяти" возникли в этих языках тогда, когда сложные числительные уже перестали осознаваться как имеющие этимологическую связь с числительным "девять".

Если это так, то мы имеем здесь скорее всего весьма позднее происхождение новой "девятки" под воздействием субстратных языков. Для диалектов пашто (включая вазири) инновационное построение числительного "девять" могло быть обусловлено дравидийским субстратом – ранние контакты с дравидами и переход части из них на иранские языки в этом ареале известны, счет же в раннем состоянии протодравидийского был восьмеричным, точнее – четверично-восьмеричным [Андронов 1978, 246, 248]. Сходный (во всяком случае, в аспекте системы счета) субстрат мог оказывать воздействие на хорезмийский язык (непосредственно или через посредников, учитывая путь продвижения предков дравидов к Индостану). Для осетинского языка предполагается влияние кавказского субстрата. Хотя прямые признаки восьмеричного или четверично-восьмеричного счета в современных и исторически зафиксированных материалах кавказских языков отсутствуют, тем не менее имеются косвенные этимологические свидетельства того, что он был в раннем состоянии,

во всяком случае, в некоторых из них. Такими свидетельствами, в частности являются: а) изменения значения в пракартвельском языке заимствованного семитского числительного **arwa-* (ср. араб. *arpa'*) с "четырех" на "восемь" [Клинов 1967, 308–309]; б) обособленное грамматическое положение в прошлом числительных "четыре" и "восемь" (сохраняющих рефлексы классных показателей, в отличие от других числительных) в части нахско-дагестанских языков [Гудава 1980, 186].

Следует отметить попутно, что восьмеричная или четверично-восьмеричная система счета (и соответствующее построение числительных) либо их этимологическиеrudimentы встречаются в разных языках мира, например, в ряде языков островов Тихого океана, в некоторых финно-угорских, в чукотском, в отдельных языках Америки и т.д., причем спонтанное возникновение этих систем в языке, так же, как децимальной или вигезимальной, обусловлено способом называния пальцев в тот период. Эта система базируется на счете по пальцам рук, но, в отличие от децимальной системы, где учитываются все пальцы обеих рук, здесь принимаются в расчет только по четыре пальца каждой руки, без больших пальцев. Такая система возникает спонтанно в тех языках, где большой палец, анатомически и функционально отличный от других, имел в период оформления счета особое название, этимологически не связанное с названиями других пальцев. В результате большой палец не входил в состав счетных единиц, каковыми являлись обычные "пальцы" (хотя исключения имеются и здесь).

Переход с восьмеричного или четверично-восьмеричного счета на десятичный (будь он спонтанным — при распространении названия "палец" на большие пальцы рук — или стимулированным иноязычным влиянием) вызывал зависимое положение в системе числа "девять", оказавшегося как бы в "провале" между двумя "круглыми" числами. Оно должно было получать выражение каким-то производным словом или словосочетанием, ориентированным либо на "восемь" (относительно архаичный тип, который включает модели "за восемью", "новое" и т.п., в том числе индоевропейское **e-neçen-*), либо на "десять" (более новый тип, к которому относятся модели "без одного десять", "на один меньше десяти", "неполная десятка" и т.п., таковы, в частности, протодравидийские соответствующие построения [Андронов 1978, 246–248], зависимые от них образования с *ekona-* в древнеиндийском и др.). В любом из этих типов обозначение "девяти" могло быть нестабильным — как всякое описательное образование.

Ранний индоевропейский был языком с четверично-восьмеричной системой счета. Об этом свидетельствует не только этимология **e-neçen-*

"девять", но и внутренняя форма числительного **oktō(i)* "восемь", представлявшего собой первоначально форму двойственного числа от более раннего **okto-* "четыре", от которого засвидетельствован рефлекс производного слова в виде авест. *aši-* "мера ширины в четыре пальца" [Henning 1949, 69; Pokorný 1959, 775], а также заимствованное из раннеиндоевропейского в пракартвельский числительное **otxo-* "четыре" [Климов 1977, 162–163; 1983, 157–158]. На это же может указывать косвенным образом и относительно позднее происхождение индоевропейского **k^oetçor-* "четыре", разделяемое не всеми языками (ср. анатолийские обозначения "четыре" от другого корня: хеттское *te(i)u-*, лувийское *tai-a-*).

Поздний же индоевропейский, как известно, был языком с последовательной десятичной системой. Естественно, что при переходе с одной системы на другую обозначение числа "девять" должно было быть нестабильным по разным индоевропейским диалектам. И не исключено, что помимо общего для всех архаичного **e-peçep-*, связанного с понятием "новый", возникали и другие описательные названия обоих типов, употреблявшиеся в "низком штиле" – в хозяйственном обиходном счете. В дальнейшем при поддержке субстрата некоторые из них получили устойчивое лексическое выражение.

Интересно, что в рассмотренных выше случаях в иранских языках и диалектах под воздействием субстрата лексикализовались модели, связанные с более архаичной системой, то есть ведущие отсчет от "восьми". В то же время во многих иранских же языках, как и в других языках арийской семьи (в нуристанских, дардских, индоарийских), широкое развитие получили модели с вычитанием, то есть ведущие отсчет от "десяти", типа "без одного десять", "на один меньше десяти" и т.п. Эта модель впоследствии в составе больших чисел распространилась и на обозначения "восьми", "семи" и т.д., и чем больше число, тем больше возможностей вычитания, то есть возможными становятся уже обозначения типа, например, "тридцати семи" как "без трех сорок" и даже "девяноста" как "без десяти сто". В иранских языках эти конструкции с вычитанием широко используются как диалектные, просторечные, обиходные в хозяйственной деятельности, причем встречаются они в самых различных регионах – от татского языка на западе до памирских на востоке. Отмечаются они и в памятниках, например, в согдийском манихейском: *'yw knpy 50* "сорок девять", букв. "[на] один меньше пятидесяти" [Gershevitch 1954, 199], при этом, в отличие от древнеиндийских, в иранских языках эти образования не лексикализуются, а регенерируют на каждом этапе развития языков как описательные конструкции. В ряде нуристанских, дардских и индоарийских языков при обозначении больших чисел конструкции с вы-

читанием лексикализовались, став обычными формами числительных, включающих понятие "девять" (возможно, при поддержке или стимуляции со стороны дравидийского и других субстратов), и подверглись определенным историко-фонетическим изменениям. При этом начало таких обозначений "девяты", а затем и других числительных, уходит в глубокую древность, встречаясь уже в ведических текстах (см., например *ekonavīñçatí-* "девятнадцать", включающее *éka-* "один", *ñpá-* "недостающий" и *vīñçatí-* "двадцать" [Елизаренкова 1982, 235]), и может быть связано с аналогичными вариантами в других древних индоевропейских языках (ср. латинское цифровое обозначение "IX" "девять" как "без одного десять", имевшее, правда, поддержку со стороны этрунского языка).

Таким образом, построение осетинских названий больших чисел по вигезимально-десимальным моделям и "исключение" в обозначении "девяты" вписываются в общий контекст развития числительных в индоевропейских языках в условиях субстратной поддержки или стимулирования, в том числе и относительно поздних. Обращение к другим языкам мира позволяет дополнить наши знания об истории и функционировании этого разряда слов.

БИБЛИОГРАФИЯ

АБАЕВ В.И. Осетинский язык и фольклор. И. М.-Л., 1949 [ОЯФ].

АБАЕВ В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958; т. II. Л., 1973; т. III. Л., 1979; т. IV. Л., 1989 [ИЭСОЯ].

АБАЕВ В.И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1962а.

АБАЕВ В.И. От редактора // Вс. Миллер. Язык осетин. М.-Л., 1962б.

АНДРОНОВ М.С. Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978.

ГУДАВА Т.Е. Количественные числительные в аваро-андийско-дидойских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкоznания. VII. Тбилиси, 1980.

ЕЛИЗАРЕНКОВА Т.Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982.

КЛИМОВ Г.А. Заимствованные числительные в общекартвельском? // Этимология 1965. М., 1967.

КЛИМОВ Г.А. Картвельское *otxo- 'четыре' ~ индоевропейское *okto- // Этимология 1975. М., 1977.

КЛИМОВ Г.А. Дополнение к заметке "Картвельское *otxo- 'четыре' ~ индоевропейское *okto-" // Этимология 1981. М., 1983.

Климов Г.А., ЭДЕЛЬМАН Д.И. О вигезимальной системе словообразования числительных // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987.

МИЛЛЕР Вс.Ф. Осетинские этюды. Вып. II // Уч. зап. Императорского Московского университета. М., 1882 (Репринт: Вс. Миллер Осетинские этюды. Владикавказ, 1992).

МИЛЛЕР Вс. Ф. Язык осетин. М.–Л., 1962.

ШАНИДЗЕ А.Г. Вопросы структуры и истории грузинского языка. I. Тбилиси, 1957 (на груз. языке).

ЭДЕЛЬМАН Д.И. К генезису вигезимальной системы числительных // Вопросы языкознания 1975, № 5.

ЭДЕЛЬМАН Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.

ЭДЕЛЬМАН Д.И. Генетическое и ареальное в системах числительных (на материале арийских языков) // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. М., 1993. Т. 52, № 5.

EDELMAN D.I. On the history of non-decimal systems and their elements in numerals of Aryan languages // Numeral Types and Changes Worldwide (ed. by J.Gvozdanović). Mouton de Gruyter. Berlin. New York. 1999.

EMMERICK R. Iranian // Indo-European Numerals (ed. by J.Gvozdanović). Mouton de Gruyter. Berlin. New York. 1992.

GERSHEVITCH I. A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954.

HENNING W.B. Okto(u) // Transactions of the Philological Society. 1948. London, 1949.

HENNING W.B. Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik . I. Abt., Bd 4, Abschn. 1. Leiden–Köln, 1958.

MORGENSTIERNE G. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.

POKORNY J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München, 1959.

PSTRUSIŃSKA J. Vigenticimal system of counting in Pashto // Folia Orientalia. Vol. 20, 1979. Wrocław, etc., 1980.

FRAGMENT OF HISTORY OF OSSETIAN NUMERALS

SUMMARY

It is known that ossetian numerals having natural accordances not only in the iranian languages, but other Indo-European languages, continue in their material appearance corresponding words of ancient iranian and after of this tardy Indo-European level.

At the same time the numeral system itself which reflects early ossetian system of calculation has determining deviations from ancient stimulating of substrat influence. These deviations which are described by V. Miller and V. I. Abayev are following:

- a) twentimal-decimal numeral system in contrast to ancient succession of decimal;
- b) etymology of ossetian "faras't" – nine, that is "after the eight", "above eight".

Both variants have analogy with some other iranian languages and in these languages this peculiarity is connected to substrat influence of Nonindo-european languages.

As it was found out the spontaneous emergence of this kind of numeration: twentimal, decimal (mixed), quaternary – eightimal is connected with the hand (finger) numeration and depends on their nomination, to be exact on their etymological denominations unity:

- 1) all hands' fingers and toes (twentimal, twentimal-decimal (mixed), decimal);
- 2) all hands' fingers (fivimal-decimal or decimal);
- 3) hand's fingers without the thumbs (quaternary-eightimal).

There are evidences that in the early Indo-European language the numeral system was quaternary-eightimal and in the late Indo-European it was decimal.

Deviations in different Indo-European languages, including iranian and ossetian have got secondary character and they are connected with the influence of Nonindo-european languages which are different in diverse territories.